

Наступила осень, но благородная госпожа Тун по-прежнему оставалась холодна со всеми и хранила молчание.

Слуги в Беседке Цзиньшу часто шептались за её спиной, говоря, что даже в собственных покоях благородная госпожа почти не роняет слов и редко открывает рот. Раньше она ещё выходила иногда прогуляться и развеяться в Императорский сад, но теперь, вернувшись из Зала Услаждения Сердца, целыми днями неподвижно сидела в комнате.

Пересувы слуг словно отрастили крылья — они летали по дворцовым коридорам и палатам и вскоре долетели до ушей наложниц. А те, кто владел самыми свежими новостями, и вовсе слышали потрясающее известие.

Говорили, будто Император в последнее время замышляет отправить войска в поход на Южные Царства Да Ци, однако отец благородной госпожи решительно отговаривал его на придворных совещаниях, и немало чиновников поддержали эту точку зрения. Император, разумеется, чрезвычайно рассердился, гнев небесного лица был велик, и атмосфера при дворе сделалась удушливо-напряжённой.

Все были твёрдо уверены, что благородная госпожа так мрачна и печальна именно потому, что в Зале Услаждения Сердца пыталась отговорить Императора от похода на Южные Царства Да Ци и вымолить прощение для своего отца, но потерпела поражение и верну ни с чем, оттого и пала духом.

На самом же деле лишь сама благородная госпожа знала, что у неё отродясь не хватило бы смелости замолвить перед Императором слово за отца. С малых лет слушая, как отец и старший брат рассуждают о вселенских делах, она прекрасно понимала: хотя Да Ци постепенно слабеет, его основа ещё крепка. Как говорится, и мертвый верблюд больше лошади, к тому же империя огромна, а её просторы не знают границ.

Даже если удастся чудом захватить Южные Царства, как потом справляться с этой запутанной ситуацией? Управление, умиротворение земель, отражение вражеских контратак — любая из этих задач была сложнейшей.

Но даже видя всё насквозь, она не смела обмолвиться и словечком.

В этом бездонном внутреннем дворе она была одинока и беззащитна; она понимала, что вмешательство жён правителя в государственные дела — это нерушимый закон дворца, и стоит лишь оступить, как навлечёшь беду на собственную голову.

К тому же Император сейчас и так гневался из-за того, что многие чиновники выступают против войны, и если бы она вздумала подать голос за отца в такой момент, это стало бы всё равно что плеснуть масла в бушующее пламя, а последствия оказались бы немислимыми.

Поэтому, всякий раз находясь рядом с Императором, она неизменно с трепетом угадывала его

мысли и говорила лишь то, чего он желал. В её речах звучали лишь поддержка и восхищение решениями Императора, и она так ублажала его, что лицо государя озарялось радостью — он заблуждался, думая, что она разделяет его устремления, и оттого жаловал её всё сильнее.

Но в конце концов люди не из травы и дерева сотворены: произнося такие слова, шедшие вразрез с её сердцем и совестью, она чувствовала, будто в груди у неё вырывают что-то живое.

В Зале Услаждения Сердца она говорила всё больше и больше, только какой толк был от этих речей? Стоило ей заговорить, как всё снова заканчивалось в постели.

Взгляд остекленевших глаз Тун Цзыгэ устремился на доклады на столе, а в ушах зазвучал тихий шёпот Императора — этот голос казался особенно отчётливым в тишине.

Охваченный страстью Цзун Тинлин искренне шептал: Как хорошо, что ты есть. Для меня ты — сокровище равное которому в мире сыскать невозможно, и вся моя радость связана лишь с тобой.

В его глазах плескались отчаяние и боль, слёзы непрерывным потоком, словно прорвавшаяся плотина, лились из глаз, заливая бледные щёки бесконечными мокрыми дорожками.

Цзун Тинлин слегка прерывисто дышал. Глядя на Тун Цзыгэ, он невольно нахмурился, и в его голосе прозвучали нотки недовольства и недоумения: Почему ты вечно плачешь?

Губы Тун Цзыгэ дрожали, на мгновение он потерял связь с реальностью, и подавляемые чувства взяли верх над разумом.

С трудом выдавливая слова, каждое из которых было пропитано бесконечной скорбью, он произнёс: Наложница... Я должна была встретиться с Вашим Величеством на дворцовом экзамене в Зале Сохранения Гармонии, предстать перед Вашим Величеством благодаря собственным истинным талантам, а не вот так, на драконьей постели в Зале Услаждения Сердца, в подобном виде...

Его голос постепенно затихал, а пропасть между несбывшейся мечтой и жестокой реальностью, словно тупой нож, медленно кромсала его сердце, и боль разливалась по всему телу.

Услышав это, Цзун Тинлин мгновенно помрачнел, лицо его сделалось ледяным. Он приподнялся: Благородная госпожа Тун, ты возгордилась от милостей.

Услышав выговор Цзун Тинлина, Тун Цзыгэ слегка вздрогнул, и отчаяние в его груди стало ещё сильнее. Он хотел оправдаться, но горло словно застряло комком.

Он в отчаянии закрыл глаза, однако слёзы продолжали безудержно течь, смачивая шёлковое

одеяло подо всеми.

Ваше Величество, наложница не смеет забываться, просто боль в моём сердце тяжела, словно тысячепудовый камень, и не даёт мне вздохнуть, — всхлипывая, проговорил Тун Цзыгэ, и в голосе его звучала полнейшая беспомощность.

Цзун Тинлин холодно фыркнул, отвернулся и больше на него не смотрел: Раз уж ты знаешь своё место, то должна вести себя смирно и больше не заикаться о всякой чепухе.

Видя, что Тун Цзыгэ больше не произносит ни слова, а лишь молча роняет слёзы, Цзун Тинлин не почувствовал, как утихает его раздражение.

Он поднялся на ноги, повернулся и посмотрел на прекрасное, но исполненное отчаяния лицо Тун Цзыгэ, и в душе у него шевельнулось смутное чувство.

Однако он быстро подавил это движение в сердце и произнёс: Я прощаю тебе юность и неразумность, и сегодняшний разговор пока оставлю без последствий. Но если это повторится, я не проявлю снисхождения.

С этими словами он взмахнул рукавом и удалился, оставив Тун Цзыгэ лежать в одиночестве на смятой постели. Воздух вокруг казался застывшим, до того тяжёлым, что было трудно дышать.

<http://bllate.org/book/22353/2342724>